

## КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

---

Это—книга о русской доблести, объ ея, усиляхъ и страданіяхъ ради спасенія Россіи и самаго имени народнаго...

Къ первому изданію этой книги я написалъ короткое предисловіе, но я зналъ, что ко второму мнѣ придется написать большое, ибо у насъ, въ нашей Россіи.— я долженъ буду защищать свое право правдиво говорить о походѣ Корнилова и свободно дѣлать изъ него выводы, важные и нужные для русскихъ людей и русскаго народа, какъ я понимаю ихъ благо.

Какъ примутъ книгу — впередъ было ясно:

— Какъ онъ смѣлъ?!—воскликнуть люди, привыкшіе къ челоѣкоугоданчеству, а такихъ—сознательныхъ и безсознательныхъ—превеликое множество у насъ!

— Да онъ оскорбляетъ Добровольческую армію!—ловко поддакнуть тѣ, кто почувствуетъ что царству ихъ приходитъ конецъ:—„халать“ пора снимать, иначе... вотъ уже раздаются непріятныя слова: „Безъ конца однако не можетъ-же это продолжаться!“

— Это книга вредная!—привнутъ смѣло за ними простяки, показавшіе на ихъ удочку, и вообразившіе, что передъ ними вѣрный случай покончить передъ всеми своей внезапной любовью къ Добровольческой арміи и смѣлымъ деломъ миссіи...

— Эта книга мерзкая!—скажутъ на своемъ милѣмъ языкѣ инныя дамочки въ гостиныхъ, прочитавъ о безпризорныхъ страданіяхъ раненыхъ и по разсказамъ душивной испугавшейся, что смѣлъ

„разглашенія“ этого общество и вовсе отвернется отъ Добровольческой арміи, а значитъ и отъ страданій ея раненныхъ! Душевнаго мужества и дѣйствительной силы русскаго общества эти нѣжныя людскія существа, живущія комнатной затхлою жизнью, вовсе и не чувствуютъ!!

— Книга нападаетъ на людей, которые все-таки отказались отъ всего и пошли съ Корниловымъ!—скажутъ иные, забывая совсѣмъ, что вѣдь и эти самые люди своими ошибками и неспособностью жесточайше нападали и нападаютъ на людей, бойцовъ арміи, тоже пошедшихъ съ Корниловымъ, да не въ тылу арміи, а въ боевой линіи ея, и губятъ среди нихъ лишнія жертвы.

— Книга подрываетъ авторитетъ начальниковъ!—закрикутъ Скалозубы. Довольно, довольно! Не на мелочь нападаетъ книга, а на начальниковъ цѣлыхъ частей, а крупныя ошибки людей такого положенія—огромны по послѣдствіямъ... Неужто и о нихъ молчать?!

— Книга несвоевременная!—заклучать наиболѣе испытанные въ бояхъ съ печатью, знающіе, что лучшее средство противъ колючей правды—не бороться съ нею, а убѣдить кого надо, что она пусть и вѣрна, и честна, но... несвоевременна!! Человѣкъ сдѣлалъ ошибку, умнымъ людямъ надо ее исправить!.. Ну, конечно!!

Само собою —я не ошибаю! Мало еще Россія поплакала при старомъ режимѣ за прижимъ правды, за прижимъ печати, за гаупцу ненависти къ „писакамъ, бумаго-

маракамъ, посадкамъ чернильнаго ада! Вѣчная война, нынѣ оканчивающаяся, началась для печати тѣмъ, что вел. кн. Николай Николаевичъ закрылъ армію для ней просто и прямо: корреспондентовъ не допустили въ армію вел. кн. Николая Николаевича! На это онъ имѣлъ легкую силу, но онъ оказался горестно безсиленъ запретить въ арміи и около себя... злоупотребленія, и о томъ, что у десятимилионной арміи нѣтъ снарядовъ и оружія, Россія узнала вдругъ—какъ о сюрпризѣ!

Но все-таки узнала!.. И поплатилась самой кровавой революціей—направленіемъ воѣми ожидавшагося и благодѣтельнаго переворота на самое кровавое русло... Истощенная въ чрезмѣрно тяжкихъ и долгихъ усиліяхъ поправить ошибку, Россія отомстила, съ судорогами послѣднихъ усилій выкинувъ изъ себя на свѣтъ Божій и злобу послѣднюю:—„На полуци—большевизмъ!“..

Поблагодаримъ великаго князя! А я зналъ, видѣлъ своими глазами, какъ серьезно тогда собирался печать исполнить свою задачу и послужить добросовѣстной правдой своему народу въ это трудное время, но передъ нею хлопнули дверью и показали кулакъ: „Вы намъ не нужны!“

— Но... армія, страждѣ, народу-то газеты и печать, помощь ея, нужны, ваше высочество! Вы—не одни въ арміи и Россіи!!

Не прошло года—великій князь готовилъ бѣгство свое и своего штаба—въ Кадугу. Алексѣевъ настоялъ остановиться въ Могилевѣ и, отдавъ въ работѣ за короткіе полгода десять лѣтъ своей жизни, сдѣлалъ это возможнымъ... Работалъ онъ, а не великій князь!

Теперь явилась первая книга о походѣ Корнилова.

— Ея намъ не надо!—это тоже слышится кругомъ...

И на это легкомысліе,—единственно на него!—неумные люди смѣло рассчитываютъ свои дѣйствія, усиливаясь по прежнимъ рецептамъ упрятать опасную имъ книгу въ темъ, въ подполье, подъ замокъ! Старая

Россія еще тянется за нами своими неопричными лохмотьями!

16 августа вышло въ Ростовѣ первое изданіе этой книги. На другой же день по книжнымъ магазинамъ города стала ходить люди, внушительно объясняя управляющимъ, что книга уже запрещена и что за продажу ея можно попасть подъ арестъ и даже разстрѣлъ—буквально: „разстрѣлъ“! Говорили они это „довѣрительно“, „конфиденціально“ и, какъ нѣкое доказательство своей особой миссіи, показывали письмо, на конвертѣ котораго было написано: „Алексѣю Алексѣвичу Суворину отъ ген. М. В. Алексѣева“. Эти люди были въ кн. маг. „Нов. Времени“ и Сытина, въ типографіи Теръ-Абрамiana и др. Письмо, которое при этомъ показывалось, было дѣйствительно ко мнѣ. Письмоносецъ долженъ былъ его передать мнѣ, но я былъ въ Екатеринодарѣ и онъ въ ожиданіи воспользовался имъ въ Ростовѣ, чтобы припугнуть людей—противъ меня же! Письмо это было потомъ имъ мнѣ доставлено: ни о какомъ запрещеніи книги въ немъ не было ни слова!

Черезъ день цензура задержала мою книгу... Тѣ, кто добивались этого, торжествовали... По канцеляріямъ было пущено, что ген. Алексѣевъ отказалъ мнѣ въ приѣмѣ. Въ газетахъ явилась телеграмма изъ Екатеринодара, что мнѣ запрещено вѣздѣ въ районъ расположенія Добровольческой арміи.

Я написалъ письмо ген. Алексѣеву и поѣхалъ къ ген. П. Н. Краснову, Донскому атаману.

Ген. Красновъ на моей запискѣ объ арестѣ книги написалъ: „Прочтя книгу, не нахожу основаній къ изъятію ея изъ обращенія въ Донецкой области“ и тутъ-же со своимъ адъютантомъ послалъ въ штабъ. Книга была немедленно освобождена.

Ген. Алексѣевъ прислалъ мнѣ письмо на своемъ официалномъ бланкѣ, за официалнымъ номеромъ. Вотъ его начало:

Генералъ  
АЛЕКСѢЕВЪ.

Добровольч. армія.

27 августа 1918 г. Глубокоуважаемый  
№ 268. Алексѣй  
г. Екатеринодаръ. Алексѣевичъ!

„Двадцать пятого августа мое время было все расписано до вечера, чѣмъ вѣроятно объясняется, что безъ доклада мнѣ вамъ не было назначено. въ этотъ день приѣма. Буду ожидать васъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней для переговоровъ, если въ этомъ встрѣчается надобность.

„Неисходство нашихъ взглядовъ и убѣжденій никогда не позволитъ мнѣ измѣнить характеръ моихъ отношеній къ вамъ и степени моего уваженія и довѣрія, основанныхъ на жизненныхъ фактахъ. Со взглядами и убѣждениями можно бороться только словомъ и доказательствами...

„Тѣмъ менѣе склоненъ я прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя изложены въ вашей *„справкѣ“*); о судьбѣ своего письма къ вамъ ничего не зная и не допускалъ мысли, что оно попадетъ въ чужія руки. Есю эту исторію я постараюсь выяснитъ и въ мѣрѣ возможности исправить“.

На Дону—Донской атаманъ, въ Добровольческой арміи—верховный ея руководитель высказались рѣшительно за право и „нужность“ печати!

Мыльный пузырь лопнулъ и—открылъ физиономіи, за нимъ скрывавшіяся.

Простали! Въ новой Россіи лѣзть на печать прежней „лапой“ будочника!

Вѣдь должны же они были ожидать, что если бы запрещеніе книги продлилось, то общество тѣми или иными органами своими, конечно, сказало бы запретившимъ инстанціямъ:

\*) Чтобы облегчить ген. Алексѣеву проверку подробностей, я при своемъ письмѣ на отдѣльномъ листѣ фактически изложилъ усилія „прикрыть книгу“, дѣлавшіяся нѣкоторыми.

— Почему вы отнимаете у насъ книгу, которую мы хотимъ читать?! По нашему она „ненужна“, а по нашему она „нужна“! Что вы за опекуны наши такіе?! Когда мы васъ для этого выбирали?! Мы отдали въ Добровольческую армію своихъ сыновей, свои жертвы; о ней выходитъ книга и вы вырываете ее изъ нашихъ рукъ, не давая узнать, что же дѣлается въ этой арміи?

Но въ арміи этой—наши дѣти, наши близкіе! Если кто нибудь изъ вліятельныхъ въ арміи лицъ недоволенъ книгою, задѣтъ ею, то намъ-то какое дѣло до этого, и почему онъ не обращается къ суду противъ автора, если обида такъ сильна и неосновательна?! Но прежде всего не отнимайте, не вырывайте изъ нашихъ рукъ книгъ, которыя назначаются для насъ! На нихъ у насъ—наше право, право гражданъ новой Россіи, —нашей, а не только вашей Россіи!

И книгу пришлось бы выпустить—при всѣхъ обстоятельствахъ! Такъ зачѣмъ же и арестовывать ее?!

Но пусть даже общество осталось бы неподвижнымъ—хотя я знаю: этого не было бы!—но и тогда, какъ можно вообще въ теперешней Россіи „прихлопнуть“ книгу?! Это заблужденіе дряхлой — простите за комплиментъ! — совершенно песочной фантазіи! Увѣряю васъ въ томъ, господа Фамусовы нашихъ дней, вы, которые не перевелись у насъ еще дониндѣ!!

Теперь кругомъ насъ новая Россія, совершенно обновленная духомъ, а и въ старой, при „сильномъ“ Столыпинѣ, запрещалась „Русь“,—я выпускалъ „Молву“; запрещали „Молву“,—я выпускалъ „Двадцатый Вѣкъ“; закрывали „Вѣкъ“ на вѣкъ — являлось „Око“, затѣмъ опять... „Русь“!..

И гдѣ теперь Столыпинъ съ его „силой“?!

Въ новѣйшія времена, когда Керенскій сидѣлъ еще на престолѣ Зимняго Дворца прошлой осенью, я говорилъ ему открыто:

„Если въ итогѣ полугодичнаго всевластія и безвластія прис. пов. Керенскаго будетъ для Россіи бѣгство ея арміи съ

фронта и открытіе ея границъ заготовленными войскамъ врага—то это будетъ величайшее государственное преступленіе, которое только можетъ совершить въ военное время гражданинъ противъ своей родины и единоголосной оцѣнкой его со стороны всякаго суда будетъ конечно—смертная казнь этому опрометчивому присяжному повѣренному—онъ сдѣлалъ неслыханное дѣло: открылъ врагу ворота въ Россію!

„Сухомлинова послали на каторгу за меньшее. Мясоѣдова повѣсили за меньшее! Онъ предалъ флангъ одного изъ фронтовъ, а не всѣ фронты и весь тылъ разомъ“. („Новая Русь“ 13 окт. 1917 г.)

„Совѣтамъ“ я говорю такъ же прямо, что они „людская дешевка, лѣзущая къ власти, которая перестала быть связанной съ отвѣтственностью“ и убѣждалъ хорошихъ евреевъ ради своего же народа одернуть дурныхъ евреевъ, которые натиснулись въ совѣты и толкають Россію къ гибели!

Конечно это было „дерзко“, но это была правда и правда честная по отношенію къ народу!

Конечно и Керенскій и совѣты, грозный „Гоц-либер-данъ“, „истребляли“ газеты, въ которыхъ говорилась такая прямая правда, но прихлопывалась „Маленькая Газета“—я выпускалъ „Народную Газету“; закрывалась „Народная Газета“—выходила „Русь“; на первомъ же номерѣ гибла „Русь“, вотъ вмѣсто нея „Новая Русь“!.. И эта послѣдняя газета устаетъ и видѣть, какъ Керенскаго и Гоц-либер-дана вышвыриваетъ Ванька Каинъ-Ленинъ. Кистенемъ своимъ Ванька Каинъ бьетъ и „Новую Русь“, —я ѣду къ Корнилову и изъ его арміи вижу теперь, какъ она вышвыриваетъ Ваньку Каина въ хорошее мѣсто—въ тартарары!.. И довольно прѣчно!

А Деникинъ уже и прямо заявилъ, что Керенскій будетъ повѣшенъ за измѣну Родины, если окажется въ районѣ расположенія Добровольческой арміи!! А обѣщаніе Деникина теперь что значить!

Видите, какъ точно моя правда побѣдила! Только прямую правду и стоитъ писать на газетной бумагѣ, увѣряю васъ—правду, нуждаю для народа. Съ нею пораженіе не грозить!

Конечно, если бы мнѣ запретили выпустить мою книгу о Корниловѣ въ Россію, я бы напечаталъ ее въ Кіевѣ. Нельзя въ Кіевѣ,—послалъ бы въ Оренбургъ. Нельзя въ Оренбургъ,—послалъ бы ее въ Уфу и дальше въ Омскъ, въ Иркутскъ и, кромѣ того, у меня есть уже предложенія издать ее на англійскомъ и французскомъ языкахъ и черезъ Парижъ и Лондонъ, въ переводахъ на всѣхъ языкахъ ее сами читатели разнесли бы по всему міру. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не интересно—о Корниловѣ и его легендарномъ похотѣ, объ его „трехъ тысячахъ“, спасшихъ имя и честь двухсотъ-милліоннаго народа героизмомъ непотворимой доблести!!

И отовсюду,

отовсюду,

отовсюду

— изъ Кіева, Омска, Лондона, книга пришла бы въ Ростовъ, въ Ростовъ, въ Ростовъ и въ Добровольческую армію, имѣя въ своей „запрещенности“ лишь добавочный интересъ къ себѣ и авторитетъ.

И затѣмъ бы еще, конечно, я привлечъ бы къ суду тѣхъ господъ, которые ходили по книжнымъ магазинамъ и пугали людей „разстрѣломъ“ за продажу моей книги, и добился бы отъ нихъ точнаго показанія, какъ именно попало къ нимъ въ руки письмо ко мнѣ ген. Алексѣева (съ вложеннымъ въ него письмомъ „третьяго лица“ къ генералу о моей книгѣ, тогда еще не вышедшей), —и кто такъ перевралъ имъ содержаніе этого письма ген. Алексѣева?!

Вѣдь все это было бы! И люди все это сами на себя накликали! Какъ мало думаютъ они, эти люди!

Указываемые мною въ книгѣ „вредители“ дѣла Корнилова и Добровольческой арміи стараются убѣдить кого могутъ, что

мое повѣствованіе о нихъ бросаетъ тѣнь на самую армію.

Нисколько! Она безупречна, эта община героически борющихся за свою великую Родину бойцовъ! Но въ условіяхъ ея жизни и дѣйствій есть такіе острые, хватающіе ея живое тѣло зацѣпы и проволочныя загражденія, къ которымъ я дѣйствительно прямо, открыто и откровенно протягиваю руку, чтобы ихъ устранить. И считаю это дѣломъ совѣсти и личной чести не только для себя, но и для каждаго русскаго человѣка!

Не такъ ли?

Конечно „вредители“ эти могли бы быть устранены и ранѣе. Но командный составъ арміи развѣ не смотря на эти путы и проволочки въ ея тылу не даетъ все-же побѣдъ и побѣдъ?! У него свои могутъ быть причины и затрудненія, но въ страшномъ трудныхъ условіяхъ, въ которыхъ Добровольческая армія сѣумѣла настоять на побѣдѣ, онъ оказался на мѣстѣ и ведетъ дѣло доблестно дальше, держа ея знамя высоко!

Пусть каждый исполняетъ свой долгъ.

Я исполняю свой—журналиста!

Моя пенга—книга о великой доблести Добровольческой арміи, объ ея дѣлѣ и преніятивіяхъ, сквозь которыя она побѣдно прорвалась и внесла опять въ широкій міръ знамя великой единой и неѣдимой Россіи!

Конечно, я желалъ бы, чтобы все не только въ самой Добровольческой арміи, но и въ ея тылахъ было такъ же превосходно, какъ блескъ ея доблести и ея побѣдъ.

Но... когда это не такъ!! И не потому, чтобы это было невозможнымъ.

Я очень понимаю человѣческую „невозможность“ и умѣю съ нею считаться. Во время похода при всей неустроенности положенія раненыхъ я ни разу не былъ ни у Корнилова, ни у Алексѣева, хотя могъ видѣть ихъ всегда, когда хотѣлъ—чтобы рассказать имъ о порядкахъ лазарета. И это при томъ, что многое важнейшее по моему убѣжденію можно было

исправить еще тогда же во время похода! но „невозможность“ была для самого Корнилова и Алексѣева—„невозможность“ дать арміи заботъ больше, чѣмъ они уже давали. И—я молчалъ, обходясь чѣмъ могъ безъ нихъ!

Но теперь положеніе совсѣмъ иное: у арміи есть прочный „тылъ“ и свободная возможность всяческаго снабженія. И всетаки!.. Я знаю точно при этомъ, что и во время похода и послѣ него ген. Алексѣевъ щедро давалъ средства для улучшенія лазаретовъ, но средства тратились съ пользою для раненыхъ весьма малой.

Обращу тутъ опять вниманіе читателей, что всѣ безпорядки тыла не мѣшаютъ Добровольческой арміи побѣждать! Россіи любить ее и гордиться ею и дать, конечно, ей средства и время исправить ихъ.

Но нужно, чтобы о нихъ знали, нужно чтобы за нихъ взялись, наконецъ, съ рѣшимостью покончить со зломъ и зло исчезнетъ, переставъ подрывать драгоценныя силы бойцовъ арміи!

Конечно старшія опытыя организаціи—и „Красный Крестъ“ и Земскій Союзъ, наконецъ, союзники наши—могутъ дать арміи и дадутъ безукоризненные лазареты и многое необходимѣйшее по снабженію. Острая нужда арміи въ лазаретахъ—сейчасъ будемъ говорить преимущественно о нихъ,—будетъ этимъ удовлетворена очень просто, но... нужно всетаки, чтобы и лазареты самой арміи не оставались на уровнѣ тѣхъ ядолой безпомощности, нерадѣнія и растерянности, которыя представляютъ собою многія палаты, наполненныя ранеными добровольцами, находящіися на общественной и нравственной отвѣтственности Ник. Мих. Родзянко, начальника армейскаго лазарета Добровольческой арміи.

Я отдаю должное намѣреніямъ Н. М. Родзянко, человѣка искренно сердечнаго, интеллигентнаго и готоваго работать, но слабость его и неумѣнье настоять на добросовѣстномъ исполненіи своихъ первыхъ обязанностей тѣми многими ловкими, нерадивыми и малоспособными людьми,

оторые ги́здами налили по всему армейскому лазарету—превосходятъ границы общественно допустимаго и даже—скажу ему прямо и отвѣтственно—совѣсти!

При всѣхъ и всяческихъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ Н. М. Родзянко сдѣлать могъ и можетъ многое для улучшенія положенія раненыхъ и—не сдѣлалъ, не дѣлаетъ и не способенъ сдѣлать.

О немъ человѣкъ огромнаго авторитета въ арміи сказалъ!

— Баричъ!

И всегдашняя черта „барича“—неумѣніе установить точный контроль надъ своими подчиненными и потому—всегдашній хаосъ по всему дѣлу и общая безотвѣтственность.

Мои характеристики дѣятелей тыла и лазаретовъ иные считаютъ рѣзкими.

Я видѣлъ этихъ дѣятелей во время похода, видѣлъ ихъ послѣ него и послѣ выхода перваго изданія этой книги, видѣлъ какъ они приняли обвиненія, опровергнуть которыя не могли, и какъ они отвѣчали на нихъ, и долженъ сказать, еще разъ взвѣсивъ свои слова: характеристики эти только правдивы и въ тонѣ... мягки!.. Да-мягки! Въдѣ и въ первомъ изданіи я многое, самое тяжелое, не договаривалъ—это такъ понятно, надѣюсь!

Я долженъ дать факты,—пусть ими будетъ хотя слѣдующее:

Страстная суббота. Село Лежанка. Холодный студеный день съ пронизывающимъ ледянымъ вихремъ въ степи. Съ утра сильный обстрѣлъ большевиковъ. Я проходилъ мимо лазаретнаго обоза, готовившагося выѣхать въ Егорлыкскую станицу—24 версты по открытой степи. Кто-то громко окликаетъ меня. Оборачиваюсь:—на подводу кладутъ раненаго съ наскоро перевязанной ногой—въ одномъ бѣльѣ: кальсоны и ночная рубашка безъ завязокъ, распахнутая съ шеи широко до пояса... Это въ такую стужу!..

Меня такъ и повезутъ?!—говорить раненый.—Не даютъ даже одѣла! Вотъ простыни только! Меня сейчасъ гранатой

ранило... Вотъ сейчасъ... Шинель, все снятое платье куда то исчезли, пока я былъ безъ памяти... Добиться не могу... И такъ ѣхать?!... Развѣ можно такъ ѣхать?—пробуетъ убѣждать меня раненый бѣднякъ.

— Да нѣтъ!—говорю,—сестра вамъ принесетъ! Она-же пошла!

— Она говоритъ: нѣтъ у нихъ ничего!..

— Я отыщу ее!

Отыскиваю сестру, посылаю принести теплыхъ вещей.

— Да нѣтъ у насъ ничего!—говоритъ она.

— Должно найтись! Найдите! Добейтесь!

Она уходитъ и—пропадаетъ. Проходитъ время. Нѣтъ ея и, я знаю—и не будетъ, конечно!

По подводамъ набираемъ раненому одѣяло, подушку, теплую рухлядь... Ёдемъ... Восемь часовъ влачили въ степи сѣвостовый зимній вихрь!..? то было бы съ раненымъ?!

Надо прибавить, что до этого мы цѣлыхъ три дня простояли въ богатѣйшемъ селѣ съ 2000 хатъ, гдѣ все можно было и купить, и реквизировать!

Что это—нерадивость, затмѣніе разума, чувства долга и сердца или еще что нибудь—начальника лазарета?!

Я считаю это затмѣніемъ совѣсти, Николай Михайловичъ! Пусть я услужу отъ кого нибудь, что я не правъ!

Это было—въ апрѣлѣ, затѣмъ—уже въ іюлѣ—я рассказываю начальнику лазарета Н. М. Родзянко, что 4 іюля въ Новочеркасскѣ пришелъ обозъ со 150 ранеными, причемъ везли ихъ 180 верстъ отъ Торговой до станицы Манычской двое сутокъ безъ остановокъ для ночлега, прикрытыхъ только простынями. Кормились они добротой жителей. Горячее приготовить имъ въ этапахъ по дорогѣ не могли, ибо наѣзжали они внезапно, безъ всякаго предупрежденія, увозили же ихъ, какъ только лошади сѣдали свой кормъ. Перевозокъ не дѣлали, кромѣ наиболѣе тяжелыхъ. Во время пути состояніе многихъ раненыхъ

превратилось изъ вполне хорошаго въ мочи безнадежное именно благодаря условіямъ перевозки. Дождь поднялся отъ дождей и на переправѣ цолъ паромъ сталъ на аршинъ выше пристани. Сходней не было. Повозки спускались на пристань прямо съ этого уступа, причемъ каждую жестоко встряхивало трижды: сначала спрыгивали лошади, дерган разомъ всю повозку, потомъ прыгали первыя колеса, затѣмъ вторая пара. Что было съ ранеными, среди которыхъ было много со сложными переломами рукъ и ногъ, раненіями живота, позвоночника!... Начальникъ обоза — очередной прапорщикъ — допустилъ это! Передъ Новочеркасскомъ дождь вымочилъ раненыхъ совершенно. Ихъ подвезли къ Дворянскому Собранію, гдѣ они двадцать минутъ подъ дождемъ ждали распределенія по лазаретамъ, пока наконецъ не потребовали, чтобы ихъ везли куда нибудь, но — подъ кровлю. Ихъ отвезли въ лазаретъ Дух. Училища и поручикъ Корниловскаго полка Р., который мнѣ все это рассказывалъ, а два товарища его подтвердили, вошли въ лазаретъ — въ одной рубахѣ и брюкахъ, босой, весь мокрый...

— Какъ могли пустить раненыхъ въ перегонъ въ 200 верстъ только подъ простынями?

Нѣтъ одѣялъ! — отвѣчалъ мнѣ Н. М. Родзинко.

— Почему же ихъ не реквизировали до сихъ поръ?

— Лазаретъ не имѣлъ права реквизи-ровать. Въ Кубанской области это право дано только реквизиціоннымъ комиссіямъ.

— Почему же отъ нихъ, отъ этихъ комиссій не потребовали одѣялъ? Сколько станицъ въ Кубани! Могли даво и легко собрать не одну тысячу одѣялъ!

Начальникъ лазарета пожалъ плечами. Видимо это представлялось ему почему-то безцѣльнымъ. Но я-то зналъ, что все это было совершенно исполнимо, ибо говорилъ лично съ десятками ставичныхъ атамановъ на Кубани объ этомъ.

— Штабъ конечно поддержать бы вѣкъ! Нельзя же раненыхъ студить подъ одной простыней! Штабъ прямо и кровно самъ заинтересованъ въ этомъ!

Раненыхъ посылаютъ въ такіе переѣзды даже тяжелыхъ. Поруч. Явкинъ на перегонѣ 8 іюля умеръ, проѣхавъ едва двадцать верстъ. Его, значить положили ѣхать 200 верстъ почти умирающимъ? А нѣкоторые умирали уже на пятой верстѣ! Какъ врачи допускали отправку такихъ раненыхъ?

— Раненые сами требовали.

Но этому нельзя было уступать.

— Но раненые боялись, что большевики могутъ настѣть и ихъ не успеютъ вывести.

— Я не могу понять такой причины — у арміи есть безопасныя мѣста и ближе Новочеркасска — по во всякомъ случаѣ, лазаретъ обязанъ не уступать въ такихъ случаяхъ. Смерть раненаго, вѣдь, на него падаетъ! На этапѣ въ Торговой комендантъ намъ рассказали, что объ одномъ раненомъ въ грудь. Онъ самъ спросилъ врача, какъ съ такою раной отправляютъ въ завѣдомо тяжелый переѣздъ? — „Да онъ отлично себя чувствуетъ — говоритъ самъ онъ!“ — отвѣчалъ врачъ. Этого самого раненаго мы видѣли на хут. Веселомъ послѣ переѣзда: онъ былъ снятъ съ обоза едва дышащимъ. За полторы недѣли въ хут. Веселомъ умерло семь раненыхъ, снятыхъ съ обозовъ.

— У насъ здѣсь нѣтъ мѣста, а раненыхъ все прибываетъ.

— Ник. Мих — чѣ! Я же половину крупныхъ станицъ Кубани обошелъ съ арміей самолично и отвѣчаю вамъ, что въ каждой можно помѣстить вполне удобно и отлично прокормить пятьсотъ раненыхъ. Теперь у насъ есть прочный тыловой районъ, куда никогда уже никакіе большевики не придутъ. Но нужно вѣяться за это крѣпко, заготовить заранее и все будетъ!...

Я подавалъ прошеніе объ отставкѣ.

— Почему не посылается верховой передъ обозомъ, чтобы этапъ зналъ во время объ его приходѣ и могъ къ сроку приготовить раненымъ горячую пищу? Теперь они прямо голодаютъ.

Вы сами знаете—у насъ нѣтъ лошадей и права реквизиціи!

— Но реквизиціонныя коммиссіи не могутъ отказать вамъ въ десяткѣ лошадей, а если бы отказали, то вашей жалобы было бы достаточно конечно, чтобы Денинъ поддержалъ васъ и лошади были бы...

Разувѣренно-усталое движеніе головой и плечами начальника лазаретовъ, означавшее:

— Такихъ хлопотъ каждый день горы... Передѣлаешь ли ихъ всѣ?... Все равно половина останется не сдѣланной, а исполненіе по другой половинѣ вездѣ опоздаетъ къ мѣсту—нужно знать порядки у насъ въ лазаретахъ!

Но порядки, отъ васъ же зависятъ, г. начальникъ лазарета!

По совѣсти я не могу поставить этого въ вину Добровольческой арміи. Неужели столько-то исполнительности не долженъ дать всякій самый рядовой служащій, а вотъ все же раненые холодали и голодали, хотя и накормить и прикрыть ихъ была полная возможность, если бы только начальникъ лазарета во время обратился въ реквизиціонную коммиссію за сдѣлами и десяткомъ лошадей!

Что виною здѣсь? Условия похода? Стихійныя „невозможности“?

Да несколько! Виновны люди и именно \*ти люди и ихъ нерадивость, ихъ барская слабость и расплосненныя ими кругомъ себя злоупотребленія. Ничто иное!

Конецъ моего разговора съ Н. М. Родзянко былъ такой:

— На походѣ я былъ квартирмейстеромъ лазарета и вашимъ подчиненнымъ, и могъ идти по начальству только черезъ васъ. Я подавалъ вамъ одинъ рапортъ. Вы по нему ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ я далъ ходъ его содержанію...

— Но виновные остались вполнѣ безнаказанны! Я хочу и далѣе быть съ вамъ въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ, но простите—эту записку разсказа о злоупотребленіяхъ этапа, съ которымъ ѣхалъ поручикъ Р., и передаю вамъ, а копію ея черезъ часъ лично передамъ ген. Алексѣеву, а тамъ вы уже вмѣстѣ рѣшайте—съ какихъ виновныхъ снимать головы?..

Отношенія наши остались наилучшія, если впрочемъ ихъ не испортило уже первое изданіе книги. Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего разговора помощникъ ген. Алексѣева Ю. М. Лебедевъ поѣхалъ съ Н. М. Родзянко въ объѣздъ по лазаретамъ съ спеціальной цѣлью показать ему, что онъ не знаетъ того, что творится у него въ лазаретахъ, и привести его къ рѣшенію—отказаться отъ непосильныхъ ему тяжестей. Одновременно ген. Алексѣевъ всю эвакуацію раненыхъ отдавалъ въ руки общественныхъ организацій.

Отъ 26 іюля с. г. я получилъ отъ него телеграмму изъ Тихорѣцкой:

„Ваше прибытіе на ст. Тихорѣцкую и уполномоченныхъ Бѣлаго Креста для постановки дѣла эвакуаціи больныхъ и раненыхъ представляется весьма необходимымъ и спѣшнымъ. Генералъ Алексѣевъ.“

Крупная группа членовъ „Бѣлаго Креста“ энергично взялась за дѣло. Былъ образованъ и началъ работу особый Фронтальный Комитетъ, во главѣ правленія Общества съ предсѣдательницей г-жей Митрофановой во главѣ сѣумѣла такъ вмѣшаться въ дѣло, что ген. Алексѣевъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 27 августа такъ нашелъ нужнымъ передать ту фразу съ которою я встрѣтилъ г-жу Е. Митрофанову:—не впутывайте меня въ домашнія кляузы и дѣлишки вашего Общества; я не могу въ нихъ разобраться и найти, гдѣ истина, гдѣ неправда; не могу понять сложившихся отношеній между народившимися партіями, а потому предпочитаю отказаться отъ ближайшихъ услугъ Общества и сохранить только тѣ его

учреждения, которые функционируют в настоящее время\*.

Г-жа Митрофанова и ее приемы действительней обогатили раненых армии не дешево. Реформа в лазаретах армии остановилась, но ген. Алексеев слишком хорошо знает силу и жизнеспособность общественной инициативы, чтобы разочароваться в них при первом затруднении, и кончал свое письмо ко мне выражением надежды, что в Екатеринодаре образуется местная организация, которая „возьмет на себя, задачи, оказавшиеся не по силам Ростовскому Отделению „Блага Креста“.\*)

Объ открытии сѣти такихъ организаций на юго-востоку Россіи „я мечтаю,— заключаетъ ген. Алексѣевъ свое письмо,— независимо отъ того, что ожидаю въ скоромъ времени помощи, какъ отъ Краснаго Креста, такъ и отъ Всероссійскаго Земскаго Союза. Вы знаете что нужны Добровольческой арміи ненасытимыя“.

Вышло однако иное!

Ген. Алексѣевъ умеръ. Н. М. Родзянко до сихъ поръ не сознаетъ тяжкаго своего преступленія, не видитъ, не называетъ себя настоящимъ именемъ то, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ для арміи своей безхарактерностью, не-настоятельностью, неуваженіемъ принудить своихъ подчиненныхъ къ ихъ долгу далѣе той комнаты,

\* В защиту русской общественности я долженъ сказать, что дѣйствія правленія „Блага Креста“ вообще представляютъ собою рѣдкое и рѣдкостное исключеніе въ ея исторіи. полной великихъ заслугъ передъ родиной. Достаточно сказать, что правленіе это было избрано въ составѣ 9 человекъ когда въ Обществѣ не было и 15 членовъ, т. е. люди выбирали самихъ себя. Теперь, когда въ Обществѣ нѣсколько сотъ членовъ, рядъ очевидныхъ ошибокъ правленія заставилъ 15 членовъ сдѣлать заявленіе о перевыборѣ правленія. Заявленіе было подано 16 октября, но и до сихъ поръ т. е. черезъ два мѣсяца—общее собраніе Общества для этихъ перевыборовъ не созывается, хотя правленіе по уставу обязано это сдѣлать не только уставъ не связалъ его срокомъ! И вотъ, отложивъ т. е. задержавъ дальнѣйшее расширеніе активной помощи раненымъ, г-жа Митрофанова обратилась къ легчайшей задачѣ—усиленному сбору сред-

гдѣ онъ самъ находится!! Онъ—повидимому такой мягкосердечный, такой отзывчивый къ каждому боли, которая тутъ передъ нимъ, на самыхъ глазахъ его!!

Вѣдь онъ-же подлинно расточаетъ кровь русскаго народа! Можно ли терпѣть это не говорю ужъ о другихъ—но себя-то самому?!

Говорю все это—вполнѣ отвѣтственно! Дальше.

Въ Дядьковской 5-го апрѣля по хатамъ остаются 20 раненыхъ Офиц. полка. Прочихъ раненыхъ, оставленныхъ въ этой станицѣ, опрашивали, желаютъ ли они остаться, этихъ не спрашивали. Врачъ не рѣшился на этотъ разговоръ, пробѣжавъ быстро по хатамъ, пряча глаза. Впрочемъ все они такъ были изломаны и изранены, что дальнѣйшаго похода все равно, дѣйствительно, не выдержали бы.

Въ юлѣ когда армія наша второй разъ пошла къ Екатеринодару, они были ею освобождены изъ плѣна. Имъ слѣдовало теперь жалованье за 6 мѣсяцевъ,—кому, какъ офицеру-рядовому—250 руб. въ мѣсяць, кому, какъ ротнымъ командирамъ—440 р. Какая-то тыловая коммиссія почему то рѣшила выдать всѣмъ одинаково по 150 р. и всего за 4 мѣсяца вмѣсто шести! Тѣ, кто имѣлъ право получить 2500—3000 р. получили только 600 р. Это—при необходимости съ богатаго Ростова, чтобы цифрой ихъ побѣдоносно заслониться отъ ожидаемыхъ обвиненій на общемъ собраніи, которое посему и откладывается! Но даже и денегъ Ростова далъ бы „Бѣлому Кресту“ безъ г-жи Митрофановой болѣе чѣмъ „Бѣлому Кресту“ съ г-жей Митрофановой! Дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ нынѣшняго правленія между тѣмъ вызвали вниманіе къ себѣ настолько широкое—и въ исторіи русской общественности тоже совершенно исключительное!—что у одного изъ членовъ правленія былъ произведенъ официальные властями обыскъ!

Должно радоваться, что видные общественные дѣятели Ростова образовали теперь о-во „Общественной помощи“ жертвамъ войны. Безъ сомнѣнія оно вмѣстѣ съ Зем. Союзомъ и Кр. Крестомъ возьметъ въ свои руки и дѣло помощи раненымъ отъ лица г. Ростова. „Анробротизму благотворительности“ не мѣсто въ этомъ истинно святомъ общерусскомъ дѣлѣ!!

дмостн расходоваться изъ своихъ средствъ на свое долечиваніе въ добавокъ къ тому, что даетъ госпиталь!

Мало ли какую ошибку можетъ сдѣлать комиссія!? Дѣло не въ ея постановленіи, которое конечно будетъ перерѣшено. Дѣло въ томъ—понимается ли самое положеніе и человѣческія права раненыхъ тѣми, передъ кѣмъ проходятъ ихъ дѣла и кто имѣетъ обязанность поддержать всякое справедливое ихъ право?

Раненые обратились къ ген. Эльснеру, представителю Добровольческой арміи въ Новочеркасскѣ, но тотъ нашелъ полный разумъ въ постановленіи комиссіи:

— Вѣдь вы же по собственному желанію остались въ Дядьковской!

Было какъ разъ наоборотъ: до того не по собственному желанію, что нѣскольکو-человѣкъ даже застрѣлилось по хатамъ. Но если бы раненый даже и самъ выбралъ тяжкій жребій остаться въ Дядьковской на милость большевиковъ, можетъ ли быть въ этомъ мотивъ къ тому, чтобы штрафовать его за раны?

А вотъ представитель арміи считаетъ это допустимымъ!

Офицеры просили ген. Эльснера написать въ Екатеринодаръ, но и черезъ недѣлю—какъ они изъ справокъ получили убѣжденіе—ничего никуда по ихъ дѣлу написано не было. Или можетъ быть они ошибались?

Получить даже и назначенное жалованье изъ управленія ген. Эльснера офицерамъ не удалось, несмотря на долгія стоянія въ очередяхъ, и нѣкоторые изъ нихъ, которымъ деньги были очень необходимы, должны были поѣхать въ Екатеринодаръ нарочно, чтобы получить жалованье. И поѣхали раненые на костыляхъ, и тамъ получили, и немедленно, вернулись, ибо лечиться надо было въ Ростовѣ!

Что—порядки тутъ причиной, какія-нибудь распоряженія главнаго командованія, или виновны сами люди—этотъ именно человѣкъ и имъ поддерживаемые кругомъ себя порядки?

Выѣстъ съ генераломъ Эльснеромъ изъ отдѣла снабженія въ Новочеркасскѣ перешелъ и полк. Мотерно, занявъ опять мѣсто одного изъ главныхъ помощниковъ ген. Эльснера.

Въ іюні 27 офицеры-артиллеристовъ собрались въ Новочеркасскѣ изъ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ изъ Пейзы и изъ Крыма, пріѣхали поступить въ Доброволь. армію. Полк. Мотерно такъ направилъ ихъ, что проведя сутки безпріютно въ городѣ, они оказались въ Манжечской станицѣ безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго движенія и комендантъ этапа долженъ былъ поддержать ихъ авансами на свой рискъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— Когда мы ѣхали изъ Керчи, нѣмцы дали намъ по билету 2-го класса, предписаніе всѣмъ станц. начальникамъ пропускать безъ задержекъ и—по бутылкѣ вина! Это сдѣлали нѣмцы, а какъ встрѣтилъ насъ русскій полковникъ?

М. М. Каменева, мать подпоручика Офиц. полка раненаго подъ Екатеринодаромъ и умершаго лѣтомъ отъ ранъ, рассказала мнѣ, какъ она черезъ управленіе ген. Эльснера и полк. Мотерно хлопотала о пособіи въ 1000 руб. за смерть сына. Она не получила этого пособія, но дѣло тутъ опять не въ самомъ фактѣ—на все въ управленіяхъ есть и должны быть свои правила. Ея положеніе къ общимъ правиламъ не совсѣмъ подошло, но если не на тысячу рублей, то все-таки на какое нибудь пособіе она право имѣетъ безспорное. Однако чтобы не оторвать ее, маленькаго робкаго, но страдающаго человѣка, отъ этого ея права, нужно было къ ней просто, какъ къ человѣку-же, отнестись внимательнѣе, объяснить ей размыръ ея правъ и выяснить себѣ самому ея человѣческое положеніе. Однако... вотъ какъ шли ея хлопоты, я точно записалъ съ ея словъ:

Подпоручикъ Владиміръ Михайловичъ Каменевъ Офицерскаго полка бы раненъ въ животъ подъ Екатеринодаромъ, около мѣсяца лежалъ въ Новочеркасскѣ и ю умеръ въ Ростовской городской